

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ю. М. Тарасов

Содержание понятия «колонизация» впервые было определено К. Марксом. Он понимал ее как заселение и освоение свободных или недонаселенных и экономически неразвитых территорий выходцами из густонаселенных и экономически более развитых стран. Причем, «колониями делает их... то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности»¹. В. И. Ленин обосновал вопросы колонизации применительно к Русскому государству. Он отмечал наличие в России свободных земель даже в пореформенную эпоху, рассматривал ее как территорию, «в которой еще не все земли заняты, которая еще не вся заселена»², и подчеркивал, что Россия обладает огромным колонизационным фондом земель, который «обеспечивает экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь»³. В России, писал В. И. Ленин, колонизационный процесс идет обычно «из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее», что «рабочие бегут, следовательно, от «полусвободного» труда к свободному труду... туда, где лучше»⁴. Таким образом, причиной колонизации он считал феодальную эксплуатацию, крепостнические пережитки. Давая характеристику колонизационным землям в пореформенный период, В. И. Ленин указывал, что это были, «очевидно, незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»⁵. Это определение, а также положение В. И. Ленина о том, что колонизация представляет собою составную часть аграрного вопроса, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»⁶, что успех колонизации российских окраин зависит от ликвидации феодально-крепостнических пережитков и что «главным препятствием для использования в России сотен миллионов десятин являются крепостнические латифундии в землевладении в центре»⁷, можно применить и к феодальному периоду. В. И. Ленин отмечал двойное влияние колонизации окраин на местное население. Он говорил о грабительском характере деятельности царских чиновников⁸, но наряду с этим подчеркивал прогрессивную сторону процесса колонизации окраин: «Центральные местности страны, обладающие вековой про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 315.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 563.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 405.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 233—234.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 224.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 70.

⁷ Там же, стр. 151.

⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 253. Примечания.

мышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны»⁹.

Изучение истории русской крестьянской колонизации Южного Урала (бывшей Оренбургской губернии) — огромной территории, на которой расположены в настоящее время Башкирская АССР, Уральская, Челябинская, Оренбургская, почти вся Куйбышевская и западные районы Курганской области, — дает возможность проследить решающую роль крестьянства в развитии производительных сил страны в период феодализма. Русские крестьяне своей деятельностью изменили прежде отсталый край, создали крупные очаги земледелия, развили разнообразное ремесла и промыслы, торговлю, а также были основной рабочей силой на казенных и частных заводах. Из этих же крестьян создавалось казачье войско для охраны крепостей на Южном Урале.

История русской крестьянской колонизации Южного Урала почти не нашла отражения в трудах дворянско-буржуазных исследователей. Они рассматривали в своих работах только правительственную и дворянскую колонизацию, отводя главную роль в заселении этого края высшим чиновникам, дворянству, отчасти казачеству¹⁰. Кроме того, дворянско-буржуазные историки довели изучение этого вопроса лишь до XIX века. Правда, ими довольно широко была разработана история заселения Поволжья, Среднего Урала и Сибири. В трудах Н. А. Фирсова, Г. И. Перетятковича, С. В. Ешевского показана не только жизнь этих районов, но и их влияние на колонизацию Южного Урала¹¹.

Советские историки создали ряд глубоких исследований по истории крестьянской колонизации Западной Сибири и Западного Урала¹², но крестьянская колонизация Южного Урала изучена ими пока еще мало. В монографии А. А. Савича¹³ подробно рассматривается история русской крестьянской колонизации Среднего Урала до XIX в. и лишь частично Южного Урала. Причем 20-е годы (когда была написана книга Савича) наложили свой отпечаток на методологию автора. Савич не признает значения правительственной колонизации, уделяя все внимание лишь стихийной крестьянской колонизации. Правительственную колонизацию он объясняет экспансией русского торгового капитала на северо-восток. Подобные недостатки были присущи и другим работам 20-х — 30-х годов, где все исторические события объясняются с позиций вульгарного экономического материализма¹⁴.

⁹ Там же, стр. 336.

¹⁰ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, или полное географическое описание Оренбургской губернии. Чч. 1—2. СПб. 1762; изд. 2, под названием «Топография Оренбургской губернии». Оренбург. 1887; его же. История Оренбургской. Оренбург. 1896; его же. Дополнения к «Истории Оренбургской» (сообщил В. П. Жуковский). «Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Оренбург. 1916; В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 г. Тт. I—V. Казань. 1889—1897; А. Е. Алекторов. История Оренбургской губернии. Оренбург. 1883; Нил Попов. В. Н. Татищев и его время. М. 1861; М. Свирелин. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII ст. «Древняя и новая Россия». 1876, №№ 6, 7; Ф. М. Стариков. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1890; Н. М. Чернавский. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Б/м. 1900; А. И. Кривошеков. Исторические судьбы Оренбургского края. «Вестник» Оренбургского учебного округа, 1912, №№ 5, 6, 7 (работа была издана отдельной книгой в Уфе в 1913 году).

¹¹ Н. А. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского царства... Казань. 1869; Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII в. (Очерки по истории колонизации края). Одесса. 1882; С. В. Ешевский. Русская колонизация Северо-восточного края. Сочинения по русской истории. М. 1900.

¹² В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.-Л. 1946; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М. 1956; его же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М. 1972.

¹³ А. Савич. Прошлое Урала. Пермь. 1925.

¹⁴ А. Ф. Рязанов. Оренбургский край. (Исторический очерк). Оренбург. 1928; В. Н. Пистоленко. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов. 1939; П. Меще-

Новое направление в изучении русской крестьянской колонизации Южного Урала связано с трудами Н. В. Устюгова¹⁵. Он не сбрасывал со счетов правительственную колонизацию, как его предшественники, и полагаал, что правительственная и крестьянская колонизации взаимно связаны между собой, дополняют друг друга, хотя первенствующее значение принадлежит последней. Исследования Устюгова дали толчок к более широкой и детальной разработке проблем русской колонизации Южного Урала¹⁶. Однако, несмотря на это, до сих пор отсутствуют сводные работы по русской колонизации Южного Урала в период феодализма. В какой-то мере разработан в общей форме лишь вопрос о русской крестьянской колонизации Южного Зауралья (Исетской провинции, входившей в состав Оренбургской губернии), да и то только до XIX века. Задача данной статьи показать на основе главным образом неиспользованных материалов центральных и местных архивов основные этапы русской крестьянской колонизации Южного Урала в период феодализма и ее значение в социально-экономическом развитии этого огромного края.

Начальным этапом русской колонизации Южного Урала явилось заселение северо-западной части Башкирии во второй половине XVI — начале XVII в., после того как в 1557 г. значительная часть Башкирии добровольно присоединилась к Русскому государству. Для упрочения своей власти в крае царское правительство начинает строить города, крепости. В 1574 г. была основана Уфа, в 1584 г. возведены Бирск и Мензелинск, а в 1586 г. — Самара¹⁷. Эти крепости составили первую линию русских укреплений в Башкирии. Впоследствии, в первой половине XVII в., эта линия была усилена в результате постройки новых укреплений по реке Черемшане (Тиинск, Билярск, Шешминск и др.), которые все вместе образовали старую «Закамскую черту», охватившую северную часть Башкирии и вдававшуюся с запада в самый ее центр. Отсюда и началось заселение Башкирии русскими. Оно происходило двумя путями: «сверху» (правительственная колонизация) и «снизу» (вольная или крестьянская колонизация). Первыми поселенцами в этой части Башкирии (северной части будущей Оренбургской губернии) были военнорусские люди: дворяне, казаки, стрельцы, которые в связи с постройкой крепостей стали получать в надел башкирские земли (особенно много вблизи Уфы) и селить на них крестьян¹⁸. Такое заселение «сверху», по распоряжению правительства, обычно предшествовало вольной крестьянской колонизации.

ряков и В. Байдерин. Материалы о прошлом и настоящем Челябинской области. Челябинск. 1939.

¹⁵ Н. В. Устюгов. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958». Таллин. 1959; его же. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск. 1961.

¹⁶ Г. А. Турбин. К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII — первой половине XVIII в. «Сборник статей по краеведению и истории географии». Челябинск. 1963; его же. Из истории крестьянского заселения Южного Урала в середине XVIII — начале XIX века. «Краеведческие записки». Вып. II. 1969; И. В. Дегтярев. Из истории заселения местности по среднему течению реки Миасс (начальный период). «Краеведческие записки». Вып. II. 1969; А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Ч. I. Челябинск. 1966; Ю. М. Тарасов. Из истории крестьянской колонизации Южного Урала в первой половине XIX в. «Ученые записки» Кишиневского университета. Т. 72 (серия историческая). Кишинев. 1964; его же. Южный Урал в далеком прошлом. «Краткий очерк Челябинской области». 1965; его же. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII и XVIII вв. «Ученые записки» Кишиневского университета. Т. 95 (серия историческая). Кишинев. 1968.

¹⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургская... Ч. 2, стр. 193—194; Р. Г. Игнатьев. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. «Памятная книжка Уфимской губернии». Ч. 2. Уфа. 1873; А. И. Кривошеков. Указ. соч.

¹⁸ В. А. Новиков. Очерк колонизации Башкирского края. «Историческая библиотека». СПб. 1878, стр. 195; его же. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа. 1879, стр. 25—36.

Систематическая крестьянская колонизация шла в Прикамской Башкирии. Одним из древнейших русских поселений была слобода Новоникольская, возникшая в 1591 г. (будущий город Оса). Отсюда русская колонизация распространилась и на Осинский уезд. Переписчики Зюзин и Матвеев под 1621 г. называют ряд русских деревень в Осинском уезде: Семакову, Онаньину, Петухову, Нечкину, Гашкову, Жуланову и Толстую, жители которых «пашни на государя пашут»¹⁹. Под Уфой селения государственных крестьян стали возникать позднее, чем в Осинском уезде. Вначале здесь были только дворянские земли, на которых работали переведенные из России крепостные, а также земли отставных уфимских стрельцов. В 1635 г. в 12 верстах от Уфы появилось село Красный Яр, а в 1647 г. — Богородское, где жили государственные крестьяне²⁰.

На этом этапе колонизации положение русских колонистов на Южном Урале было весьма неустойчивым. Во время башкирских восстаний в XVII в. многие русские поселения были уничтожены (Оса, Бирск, Табынск), а поэтому колонизация Уфимского уезда шла довольно медленно. По данным 1678 г., в Уфе числилось 17 посадских дворов, в Уфимском уезде — 431 двор государственных крестьян, 56 дворов монастырских и церковных крестьян, 195 дворов крепостных крестьян²¹.

Заселение русскими северо-западной части Башкирии (территории, которая впоследствии составила Уфимский, Бирский и Мензелинский уезды Оренбургской губернии) имело большое значение для дальнейшего освоения края и создания первого очага земледелия на Южном Урале.

Второй период крестьянской колонизации охватывает почти целое столетие (середина XVII — 30—40-е годы XVIII в.). Это уже время чисто вольной крестьянской колонизации Южного Зауралья — территории нынешней Челябинской и Шадринского района Курганской области (бывшая Исетская провинция). Исетский край составлял Зауральскую Башкирию. После покорения Сибирского царства он вошел в состав Русского государства и зауральские башкиры стали платить ясак царю. В числе первых поселенцев из русских в Исетском крае были также сибирские казаки из отряда Ермака, ставшие потом исетскими казаками. Вначале они селятся при устье р. Исети, потом продвигаются вверх по реке и ее притокам Миясу, Барневке и Тече. Для защиты своих полей и поселений от кочевников казаки строят укрепленные пункты. Сначала были сооружены четыре острога: Красный Бор (1649 г.), Усть-Мияский и Исетский на р. Исети (1650 г.), Колчеданский на р. Колчеданке, притоке Исети (1650 г.)²². Через несколько лет создается цепь крепостей по берегам Исети, Миясу и их притокам. Вместе с казачьими острогами появляются и монастыри, также служившие убежищем для русских крестьян при нападении на них соседей-кочевников. Древнейшим из них считается Далматов монастырь (1644 г.), превратившийся в крепость, крупное феодальное хозяйство, административный и хозяйственный центр Исетского края. В XVII в. вотчина Далматовского монастыря имела 70 крестьянских дворов, в которых насчитывались 243 души мужского пола²³.

Под прикрытием монастырей и острогов началась колонизация Исетского края, который привлекал крестьян своими земельными богатствами, а также тем, что они могли селиться здесь на казенных землях на положении свободных. Крестьяне должны были нести ряд повинностей в пользу государства, среди которых весьма распространенной являлась «государева десятинная пашня». Собранный крестьянами с десятинной пашни хлеб поступал в «государевы житницы» и употреблялся на

¹⁹ «Пермская старина». Вып. VIII, стр. 59—61, 135—141.

²⁰ В. А. Новиков. Очерк колонизации Башкирского края, стр. 21.

²¹ «Дополнение к Актам историческим» (далее — ДАИ). Т. VIII. № 40/1, стр. 131.

²² Ф. М. Стариков. Указ. соч., стр. 16.

²³ «Пермская старина». Вып. VIII, стр. 107.

выдачу «хлебного жалованья» служилым людям²⁴. Первые крестьянские деревни в Исетском крае возникли вблизи Далматовского монастыря: колонизация местности шла с севера на юг и юго-запад. Из первой переписи вотчин монастыря, проведенной в 1680 г. Л. Поскочиным, видно, что жители, прибывшие в XVII в. в Исетский край, являлись выходцами из Северного поморья, Перми, Вятки, Западного Урала, вотчин Строгановых, Верхнего и Среднего Поволжья. Лишь немногие прибыли из Центральной России²⁵. В конце XVII в., по некоторым сведениям, в Южном Зауралье было 900 дворов²⁶, по другим — 1 417 дворов с 4 615 чел. мужского пола (беломестных казаков, крестьян и бобылей)²⁷.

По мере заселения Исетского края начал складываться второй центр замедления на территории Южного Урала. Характерной его чертой было отсутствие помещиков, без которых сельское хозяйство развивалось здесь более быстрыми темпами, чем в Центральной России.

Набеги степных кочевников на русские поселения тормозили крестьянскую колонизацию Южного Урала в XVII и начале XVIII века. Особенно медленно росло число поселенцев в северо-западной части Башкирии. В 1719 г. Уфа с пригородами имела 1 198 дворов²⁸.

В XVIII в. на Южном Урале создается целая система военных крепостей, под защитой которых происходит усиленное заселение русскими Южного Урала, и в особенности Южного Зауралья. Начинается третий этап заселения, продолжавшийся с 30-х годов XVIII до начала XIX века. В это время русские крестьяне селятся на территории современной Оренбургской области в связи с деятельностью «Известной», или Оренбургской, экспедиции, созданной И. К. Кирилловым в 1734 году. В 1736 г. Кириллов строит крепости по рекам Сакмаре и Яику, а его помощник А. И. Тевкелев — в Южном Зауралье. Летом и осенью 1736 г. Тевкелев основал четыре крепости в Южном Зауралье: Чебаркульскую, Еткульскую, Челябинскую и Мияскую²⁹. При преемнике Кириллова — В. Н. Татищеве была основана Исетская линия крепостей; в 1738 г. создана Исетская провинция³⁰, а по другую сторону Урала — Уфимская. Обе провинции находились в зависимости от Оренбургской комиссии, а с образованием в 1774 г. Оренбургской губернии — от ее генерал-губернатора. Всего на Южном Урале в 30—40-х годах XVIII в. было основано пять главных линий крепостей, центром которых стал Оренбург. Вместе с постройкой укрепленных линий было создано в 1744 г. Оренбургское казачье войско, в состав которого вошли исетские, самарские и вновь приглашенные украинские казаки. Поселения казаков были расположены на громадном пространстве между реками Волгой и Яиком, Камой и Тобольском. Оренбургских казаков, охранявших крепости Оренбургской губернии, в 1744 г. насчитывалось 4 493³¹, а к 1850 г. их число возросло до 162 149 человек³².

В результате постройки больших крепостных линий с 30-х годов XVIII в. началась усиленная крестьянская колонизация Южного Урала. Причинами ее были крепостнический гнет, притеснения чиновников, преследования раскольников, эпидемии, стихийные бедствия, падеж скота, неурожай, быстрое увеличение недоимок в местах, откуда шли переселенцы. Переселение крестьян в период феодализма являлось фактиче-

²⁴ Там же, стр. 47.

²⁵ Там же, стр. 109.

²⁶ ЦГАДА, ф. 214. Книга Сибирского приказа, № 1526, лл. 1—44, 84—89, 90—101, 103—104.

²⁷ «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. I. М.-Л. 1936, стр. 95.

²⁸ К. А р с е н ь е в. Статистические очерки России. СПб. 1848, стр. 75.

²⁹ Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. 627, оп. 1, д. 107, л. 21.

³⁰ Там же, ф. 874, оп. 1, д. 12, лл. 15—18.

³¹ Ф. М. С т а р и к о в. Указ. соч., стр. 62.

³² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 127 об.

ски бегством от крепостного гнета. В XVII в. русскими крестьянами были заселены берега рек Исети, Пышмы, верховья Уфы и Чусовой, нижнее течение Течи и Мияса, частично среднее и верхнее течение Течи, Синары, берега рек Багаряк, Караболка, то есть территория современной Челябинской области. Но вверх по течению Мияса никаких русских поселений, кроме разоренной Чумляцкой слободы, не было. Сюда устремились в середине XVIII в. крестьяне из разных дистриктов Исетской провинции, так как постройка Исетской линии крепостей, Нижне-Уйской дистанции Оренбургской линии открыла широкие возможности для колонизации среднего и верхнего течения р. Мияса, а также междуречья Мияса и Уя.

В середине XVIII в. на этой территории возникают первые деревни, число которых все время растет³³. Это были поселения государственных крестьян, прибывших из Среднего Урала, Сибири, Центральной России, а также из старых деревень по нижнему Миясу, в первую очередь из Окуневской слободы. В восточной части Южного Зауралья еще в XVII в. обосновалось много государственных крестьян, которые в XVIII в. переместились на юг и юго-восток Южного Зауралья. Кроме Чумляцкой слободы, основанной в 1684 г., в середине XVIII в. образовались слободы: Нижне-Увельская, Верхне-Увельская, Кундравинская, Бродокалмакская, Челябинская (к концу XVIII в. Долгодеревенская волость), Карагельская, Алабужская. Характерно, что новые слободы и деревни заселялись стихийно, а в списках слобод и деревень обычно значилось: «поставлена сама собой»³⁴. Наряду с возникновением новых слобод и деревень расширялись и старые. Одновременно происходило слияние малых деревень с большими³⁵. К концу XVIII в. местное крестьянское население относительно устоялось и закрепилось в административном отношении, хотя крестьянская колонизация еще не завершилась. Новые слободы возникли здесь на казенной земле.

В конце XVIII и начале XIX в. государственными крестьянами начали заселяться северо-западные окраины Троицкого уезда и самая восточная часть Уфимского уезда (по современному административному делению это самая восточная часть Башкирии). Новые крестьянские слободы возникли здесь не на казенной, а на башкирской земле. Главную массу переселенцев представляли государственные крестьяне Кунгурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии. Они основали слободы — центры волостей Ярославской, Сесиязской, Емашинской, Дуванской, Айлинской, Белокатайской, Тестубинской.

С усилением крестьянской колонизации Южного Зауралья с 30-х годов XVIII в. начинается колонизация юго-западной части Оренбургской губернии. В 1732 г. на северо-восток от пригорода Самары — Алексеевска возводится «Новая Закамская линия» укреплений до Кичуйского фельдшанца, состоявшая из крепостей Кинели, Красноярской, Черемшанской и др. Под их прикрытием свободные поселенцы и помещичьи крестьяне заселяют уезды Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский. Переселение происходило сюда в основном из внутренних губерний России — Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Казанской³⁶. Правда, до конца XVIII в. колонизация этих мест шла еще слабо, лишь с конца XVIII в. она усиливается. После создания Оренбургской губернии в 1774 г. начинается колонизация Оренбургского уезда. Но по

³³ Подробно о колонизации среднего и верхнего течения Мияса см. статьи: Г. А. Турбин. К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII и первой половине XVIII в., стр. 29—35; И. В. Дегтярев. Указ. соч., стр. 13—24.

³⁴ ЦГАДА, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 376.

³⁵ Там же, дд. 121 и 264.

³⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 98, оп. 2, дд. 16, 17, 23, 34, 44, 63, 66, 72, 75.

сравнению с заселением Бузулукского, Бугурусланского и Бугульминского уездов она была еще незначительной. Только с 30-х годов XIX в. Оренбургский уезд быстро заселяется. В конце XVIII в. число крестьян, прибывших сюда из других губерний, намного превышает число выходцев из местных округов Оренбургской губернии. Наряду с русскими крестьянами в Оренбургскую губернию переселяется много ясашных, удельных, государственных крестьян нерусского происхождения (мишари, мордва, чуваша, татары)³⁷.

К началу XIX в. всего в губернии насчитывалось 708 420 душ обоего пола³⁸, из них крестьян, главным образом русских, 241 634 души, то есть 63% от всего мужского населения³⁹. По данным П. И. Рычкова, еще в начале 60-х годов XVIII в. русское население в Оренбургской губернии преобладало над местным⁴⁰. Южный Урал к началу XIX в. превратился в русский край.

В XVIII в. здесь, особенно в Южном Зауралье, усиленно развиваются промышленность, земледелие, ремесла. В отчете Мехонского воеводства (1761 г.) говорилось, что, «кроме земледелия, имеются промыслы: кожевенный, овчинный, плотничий, портняжный, мельничный, шерстобитный, а для рыбной ловли ходят на оброчные места»⁴¹. В результате заселения юго-западной части края был создан третий очаг земледелия на Южном Урале (уезды Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский и Оренбургский). Благодаря постройке городов Оренбурга и Троицка значительный размах получила торговля с Казахстаном и среднеазиатскими ханствами.

Новым и совершенно неизученным этапом крестьянской колонизации Южного Урала является первая половина XIX века. В это время она шла более быстрыми темпами, чем в предыдущие столетия. Сюда устремились сотни семей однодворцев и государственных крестьян из густонаселенных русских губерний: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и других. Переселение шло волнами. Первая — охватывала время с 1800 по 1816 г., вторая — с 1816 по 1834 г., третья — с 1835 по 1850 г. Наиболее сильные наплывы колонистов наблюдались в 1807, 1809, 1812—1816, 1824—1825, 1828—1834 и 1840 годах. Главной причиной перемещения сюда крестьян из внутренних губерний России являлось малоземелье, почти во всех заявлениях крестьян о переселении в Оренбургскую губернию указывается на недостаток земли. Так, в заявлении 296 однодворцев села Калиновки, Павловского уезда, Воронежской губернии, поданном оренбургскому губернатору в апреле 1824 г. о поселении их в Полтавском руде Оренбургского уезда, указывалось, что они «претерпевают крайний недостаток в пахотной земле и лугах»⁴². То же самое говорилось и в прошении 400 казенных курских крестьян, адресованном оренбургскому военному губернатору 7 апреля 1827 года⁴³. Кроме того, многие из переселенцев имели недоимки и не желали нести рекрутчину.

Переселение происходило стихийно; однако следует отметить, что в отличие от предшествовавших периодов правительство пыталось помочь переселенцам, предоставив им ряд льгот и пособий. Еще в конце XVIII в.,

³⁷ Там же, д. 16, лл. 7—196.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 1, д. 2392, лл. 2—Зоб.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 1, л. 72; д. 8; К. Ф. Герман. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. СПб. 1819, стр. 187—191; В. Э. Ден. Население России по V ревизии. Тт. I—II. М. 1902, стр. 232—319; В. М. Кабузан. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М. 1971, стр. 54, 111.

⁴⁰ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 49, 65, 73, 82, 129, 132, 134.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 46.

⁴² ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 8563, л. 51.

⁴³ Там же, д. 9163, л. 3.

11 ноября 1797 г., был издан царский указ Сенату, согласно которому переселенцам предоставлялось небольшое пособие, а в местах водворения — временная льгота в отношении уплаты подати и отбывания рекрутской повинности⁴⁴. В XIX в. правительство идет еще дальше. 3 июня 1805 г. были утверждены первые правила о переселении казенных крестьян «из внутренних в полуденные губернии»⁴⁵, а 12 сентября 1808 г. по указу Сената «о постановлении правил к лучшему устройству переселяемых казенных крестьян из одной губернии в другую»⁴⁶ эти правила стали общими для всех государственных крестьян, переселявшихся из одной губернии в другую. К правилам 1805 и 1808 гг. издавались многочисленные добавления и разъяснения Сената, министерств финансов и внутренних дел. 31 января 1831 г. были утверждены положения Комитета министров о переселении⁴⁷, которые уточняли все предшествующие законы и циркуляры по данному вопросу. На основании их казенные палаты должны были заблаговременно выделять переселенцам участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать эти участки и наносить их на планы. На обстройку переселенцам выдавалось пособие в размере от 50 до 100 руб., в зависимости от наличия лесоматериалов; предоставлялось право на пути к новым местам получать на остановках квартиры, пользоваться пастбищами и бесплатной медицинской помощью. Подтверждались прежние установления о трехлетней льготе по уплате податей и несению рекрутской и других повинностей.

Однако, несмотря на желание заселить далекий край, царское правительство боялось массовой стихийной крестьянской колонизации, так как она нередко заканчивалась захватом помещичьих и казачьих земель, а иногда приводила к «бунту» из-за нераспорядительности и противодействия отдельных представителей местной власти. Опасаясь волнений, оно было вынуждено в моменты наиболее мощной волны крестьянской колонизации прибегать к запретам или ограничениям переселений на Южный Урал⁴⁸. Но и после этого самовольные переселения продолжались. Население края быстро увеличивалось. По Оренбургской губернии это особенно заметно в период первой волны переселений, что явствует из сравнения результатов трех ревизий — 1795, 1811, 1815 годов. Если по 5-й ревизии 1795 г. в Оренбургском крае насчитывалось 380 282 души мужского пола (с преобладанием русского населения), то по 6-й ревизии 1811 г. — 512 138 душ мужского пола, а по 7-й ревизии 1815 г. — 641 794⁴⁹. Значит, между 5-й и 6-й ревизиями за 16 лет прибыло 131 856 душ мужского пола, что составляет 34,7% прироста населения, со среднегодовым приростом в 1,9%. Между 6-й и 7-й ревизиями за 4 года приращение составило 129 656 душ мужского пола, или 25,3% всего прироста, со среднегодовым в 5,8%⁵⁰.

Вторая волна крестьянских переселений шла главным образом из черноземных губерний. В ЦГИА СССР имеется более 1,5 тыс. дел, в которых содержатся материалы о перемещении больших групп государственных крестьян Воронежской, Пензенской, Курской, Тамбовской, Рязанской, Орловской и других губерний в Оренбургский край⁵¹. Самые крупные из них начались с 1825 г. и продолжались до 1834 г., что было отмечено и оренбургским вице-губернатором, который писал в своем от-

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 66, л. 1.

⁴⁵ Там же, д. 116, лл. 1, 2, 3.

⁴⁶ Там же, д. 96, лл. 1—21.

⁴⁷ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, лл. 19, 19 об.

⁴⁸ Там же, лл. 4, 5, 82, 83, 103, 259, 264, 271.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Гос. архив, разр. XIX, д. 291, лл. 19, 28; ф. 248, оп. 58, д. 1288/4859, л. 333; ф. 571, оп. 9, д. 14, 18, 32, 2592; В. М. Кабузан. Указ. соч., стр. 54.

⁵⁰ В. М. Кабузан. Указ. соч., стр. 54.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, дд. 469—1556; ф. 1285, оп. 1, дд. 27—564.

чете в 1832 г., что «с 1825 года переселение в Оренбургскую губернию сделалось гораздо ощутительнее»⁵².

Переселившиеся крестьяне не сразу получали землю. Им приходилось долго добиваться этого, вести борьбу за землю. Особенно упорно отстаивали свои интересы курские государственные крестьяне. В 1827 г.— начале 1828 г. три группы их прибыли в Оренбургский край. Крестьяне первой группы, в которой насчитывалось 398 душ мужского пола, долго бродили по Оренбургской губернии, так как местные власти не отвели для них землю. Часть крестьян возвратилась в Курскую губернию, некоторые уехали в Саратовскую, третьи получили землю в Оренбургском уезде, у деревни Юзевой на р. Кази.

Вторая группа крестьян, в которой было 175 душ мужского пола, после долгих странствий по Тобольской губернии прибыла в Оренбургский край и поселилась в начале 1826 г. на землях, «изобилующих на обширном своем пространстве весьма хорошими угодьями»⁵³. Земли эти принадлежали члену Государственного совета адмиралу Н. С. Мордвинову и находились у сельца Кабановского, Агафьино-Троицкого уезда. Переселенцы начали строить дома и шалаши на мордвиновской земле, рубить лес для своего домашнего обзаведения. Местные власти потребовали их выселения. Несмотря на это, курские крестьяне-однодворцы оставались на прежнем месте в 1829 и 1830 годах. В 1831 г. Троицкий земский суд решил выселить их с земли, но приговор его не был выполнен. Дело принимало характер «бунта». Разбором его занялось министерство финансов. На основании его решений Оренбургское губернское правление постановило 5 ноября 1831 г.: «1. Оставить на земле Мордвинова тех переселенцев, которые выстроили себе дома, и с той землей, которую они засеяли. Остальную часть земли предоставить им в других местах, исходя из 15-десятиной пропорции на переселенца. 2) Отметить в печати беспорядочные действия Троицкого земского суда и Троицкой полиции с указанием, что в подобных случаях работники их будут подвергнуты наказанию по всей строгости законов»⁵⁴. Третья группа курских крестьян, состоявшая из 426 однодворцев мужского пола, была причислена в начале 1828 г. к Оренбургскому уезду для поселения на свободной казенной земле, лежавшей близ Полтавского редута. Но, прибыв сюда, они нашли эту землю заселенной другими переселенцами. В июле 1828 г. от этой группы курских крестьян в Оренбургскую казенную палату поступила просьба поселить их «за речкой Уралом, на порожней казенной земле при речке Никополке, близ селения Красный Холм»⁵⁵. Оренбургская казенная палата в 1831 г. удовлетворила эту просьбу.

Немало хлопот доставили оренбургским властям и воронежские однодворцы-переселенцы. В июне 1828 г. они (в количестве 33 душ мужского пола) подали прошение в Оренбургскую казенную палату о переселении их в Оренбургский уезд на земли при речке Камыш-Самаре. Тогда же другая группа воронежских однодворцев в составе 43 душ мужского пола просилась на поселение близ Пречистенской крепости и при селении Красный Холм. Пока Оренбургская казенная палата наводила справки, свободна ли земля в той местности, о которой писали однодворцы, воронежские крестьяне самовольно поселились в деревне Алексеевка при речке Камыш-Самаре, построили там землянки и стали сеять хлеб⁵⁶. Некоторые из них даже захватили дачи казацкой крепости Татищевой. В 1830 г. обнаружилось, что однодворцы живут на казачьих

⁵² Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 37об.

⁵³ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 9868, лл. 8, 12.

⁵⁴ Там же, лл. 68—70.

⁵⁵ Там же, д. 9375, л. 4.

⁵⁶ Там же, ф. 6, оп. 4, д. 9360, л. 7.

землях. Казаки потребовали их выселения. Олнодворцы продолжали, однако, занимать казачьи земли. Тогда казаки стали нападать на них и силой отбирать урожай. В ноябре 1837 г. олднодворцы подали прошение оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому, в котором просили защиты от казаков⁵⁷. Между канцелярией Перовского и казачьим управлением существовали разногласия. В. А. Перовский, заинтересованный в увеличении населения Оренбургского края, не прочь был пойти на уступки крестьянам за счет казаков, казачье же управление настаивало на выполнении тех положений, которые существовали в отношении казаков издавна. В конце концов канцелярия оренбургского генерал-губернатора согласилась оставить крестьян-переселенцев в черте казачьих земель и предоставить им там 15-десятинные наделы из захваченных земель⁵⁸. Были и другие случаи, когда оренбургский генерал-губернатор разрешал переселенцам занимать казачьи земли⁵⁹.

Несмотря на осложнения при устройстве крестьян, переселение в Оренбургскую губернию в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. шло усиленными темпами. Массы государственных крестьян, главным образом олднодворцев, переселялись на Южный Урал не только из Курской и Воронежской, но также из Тамбовской, Орловской и других губерний. Летом 1827 г. из Курской губернии прибыли 833 души мужского пола⁶⁰, из Воронежской — 615, из Рязанской — 429⁶¹. В 1828—1829 гг. переселенцев стало еще больше⁶². Приток крестьян в Оренбургский край еще более усилился после царского указа от 17 марта 1832 г., который разрешал государственным крестьянам селиться в Оренбургской губернии на казачьем положении с отправлением на линейную службу⁶³. Пользуясь этим указом, свободные и даже крепостные крестьяне черноземных губерний оставляли насиженные места и переселялись в Оренбургскую губернию. Но лишь небольшой процент их попал в казаки, большинство же осталось на свободном крестьянском положении (крестьяне не желали идти в казаки). 10 апреля 1832 г. последовал новый указ, который еще более ускорил переселение крестьян в Оренбургскую губернию. Согласно этому указу разрешалась продажа башкирских земель (запрещенная указом 1818 года). В нем говорилось, что при продаже этих земель следует «довольствоваться согласием двух третей общества, несмотря на нежелание третьей». Чтобы «разрешение сей продажи не могло обратиться во вред башкирам, то постановить, чтобы в каждой волости оставалось от 20 до 60 десятин, по усмотрению главного местного начальства, на душу такой земли, которую общество не имело бы права продавать»⁶⁴.

По сведениям В. А. Перовского, за три года (1830—1833 гг.) в Оренбургскую губернию переселилось более 40 тыс. государственных крестьян. В письме от 7 августа 1833 г. министру финансов Е. Ф. Канкрину В. А. Перовский сообщал: «К сим нисколько не преувеличенным истинам остается присовокупить, что в последние три года прибыло сюда известных казенной палате более сорока тысяч душ, не считая жен и детей, число безгласно зашедших также немаловажно, судя по некоторой части уже обнаруженных; из сего значительного числа малая только часть водворена и бесспорно, прочие допущены к временному водворению, или как захватившие чужие земли подлежат к своду, некоторые размещены на квартирах, а иные кочуют в балаганах»⁶⁵. В донесении оренбургского

⁵⁷ Там же, л. 28.

⁵⁸ Там же, л. 36.

⁵⁹ Там же, д. 9242, лл. 1—26; д. 9333, лл. 1—15.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 218, лл. 1—11.

⁶¹ Там же, д. 195, лл. 1—7.

⁶² Там же, д. 243, лл. 1—7; д. 244, лл. 1—8; д. 246, лл. 1—5; д. 279, лл. 1—22; д. 330, лл. 1—24.

⁶³ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10296, л. 35.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 146, лл. 61, 63об.

⁶⁵ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 223.

вице-губернатора 20 июля 1832 г. тому же Канкрину отмечалось, что значительную долю переселившихся государственных крестьян составляли самовольные переселенцы: «Сейчас таких самовольных переселенцев до 20 тысяч душ»⁶⁶. Характерно, что все они были страшно бедны. Острая нужда гнала их на Южный Урал. В секретном письме саратовского вице-губернатора от 28 августа 1832 г. министру финансов Канкрину говорилось о тяжелом положении самовольных переселенцев, в частности из Курской губернии. Вице-губернатор писал: «Люди сии остановились с обозом своим от г. Саратова в 9 верстах за мужским монастырем, от усталости их лошадей. Отстали от партии... От бедности своей испрашивают подаяние»⁶⁷. По указанию саратовского вице-губернатора 23 августа 1832 г. была произведена опись имущества переселенцев, после чего вице-губернатор сообщал министру финансов, что «разительная бедность есть отличительная черта переселенцев. Ни строения, ни домоводства, ни скота, ни даже порядочной одежды не имеют»⁶⁸.

Массовый наплыв переселенцев, да еще самовольных, обеспокоил царское правительство. 25 сентября 1832 г. последовал циркуляр статс-секретаря министерства внутренних дел Д. Н. Блудова о запрещении самовольных переселений⁶⁹, а в июле 1833 г. министерство финансов решило вообще приостановить переселения в Оренбургскую губернию до 1835 года⁷⁰. В дальнейшем постановлениями Комитета министров от 20 февраля и 6 марта 1834 г. срок этот был продлен до 1 января 1836 года⁷¹. Причины такого шага изложены в письме В. А. Перовского от 7 августа 1833 г.: «Частию от недостатка удобных к поселению мест, а наиболее по своеволию переселенцев, происходит здесь непозволительное неуважение к праву собственности... бывали такие примеры, что переселенцы не оказывали уважения ни к какой власти и продолжали упорствовать, вопреки распоряжению вашего сиятельства, как случилось сие с курскими переселенцами, водворившимися на землях адмирала Мордвинова, с коих сведения уже силою, и как происходит еще ныне по предмету свода крестьян, поселившихся в деревне Кирсановской на дачах казаков Тошкской станицы... отыскав своих земляков, давно уже зашедших, водворяются с ними без всякого ведома земской полиции...»⁷². «Вследствие того, что крестьян высылают на новые места, а также голодовок среди поселенцев поднимается ропот»⁷³. Оренбургский генерал-губернатор предлагал министру финансов приостановить переселение до тех пор, «пока среди переселенцев не будет наведен порядок»⁷⁴. Таким образом, именно страх перед крестьянскими волнениями заставил правительство запретить переселения в Оренбургскую губернию.

Но несмотря на это, самовольные переселения государственных крестьян в этот край не прекратились. Местные власти обычно не торопились выделять переселенцам земельные участки. Крестьяне без спроса селились на избранных ими землях и вынуждали Оренбургскую казенную палату утверждать их местожительство. Правительство было не в силах задержать массовую крестьянскую колонизацию края. Перовский писал Канкрину 3 января 1834 г.: «Несмотря на принятые меры, изданные правила и подтверждения, переселения продолжались до сих пор и с тем же беспорядком, и крестьяне, оставляя прежние места жительства,

⁶⁶ Там же, л. 1об.

⁶⁷ Там же, д. 1171, л. 21об.

⁶⁸ Там же, л. 17.

⁶⁹ Там же, д. 1174, л. 103.

⁷⁰ Там же, лл. 259, 264.

⁷¹ Там же, лл. 271, 271об.

⁷² Там же, лл. 221—224; ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10643, лл. 1—3.

⁷³ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10643, л. 3.

⁷⁴ Там же, л. 43.

не испросив увольнения, прибывали в Оренбургскую губернию и захватывали самовольно несвободные земли»⁷⁵.

В результате второй волны крестьянских переселений население в Оренбургском крае увеличилось на 235 529 ревизских душ. Если по 7-й ревизии 1815 г. было 641 794 души мужского пола⁷⁶, то по 8-й ревизии 1833 г. уже 877 323⁷⁷. Рост населения за эти годы составил 36,7%, среднегодовой прирост равнялся 1,7%. В целом население Оренбургской губернии (русское и нерусское), по отчету гражданского губернатора в 1834 г., насчитывало 1 542 011 душ обоюбого пола⁷⁸.

С 1835 г. началась третья волна самовольного переселения крестьян в Оренбургскую губернию, продолжавшаяся до середины XIX века. Почин сделали пензенские крестьяне. В марте 1835 г. они (в количестве 140 душ мужского пола) самовольно перебрались в Бугурусланский уезд и осели не на казенной земле, а на даче богача Урустумакова. По решению Оренбургской казенной палаты крестьянам было запрещено селиться на даче Урустумакова. Но они ответили, что «непременно станут продолжать обзаведение». При этом особенно кричали 7 человек из толпы, что «они земский суд и его постановления не хотят знать. Имение Урустумакова с жителями, план и межевую книгу действительными не почитают»⁷⁹. Эти люди были взяты под стражу и отданы под суд. Для усмирения пензенских переселенцев в апреле 1835 г. была послана солдатская команда из 15 человек⁸⁰. В течение трех лет (1835—1838 гг.) разбирался вопрос в Оренбургской казенной палате о самовольном переселении еще 165 пензенских крестьян, но решения по этому вопросу найти не удалось.

В это время оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому поступило огромное количество заявлений от разночинцев различных губерний с просьбой о переселении их в Оренбургский край на казачьем положении⁸¹. Толчком послужил указ 1835 г., который разрешал разночинцам проживать в крепостях в том случае, если предки их были казаками. Число разночинцев, подавшихся в казаки, достигло 6 тыс. человек⁸². Русское население края увеличивалось также стараниями местных чиновников, которые обзаводились землями и крепостными, и военных, получавших пожалования за свою службу от правительства. Такие пожалования были известны и в XVIII в., но в XIX в. они приобрели особенно широкий размах⁸³. Бывали случаи, когда на жалованных императором землях уже расположились казенные или удельные крестьяне, и местным властям приходилось разбирать тяжбы между новыми владельцами этих земель и крестьянами-поселенцами⁸⁴. В 1836—1837 гг. в степных и малолюдных местах были созданы новые селения за счет пожалованных⁸⁵. Причем некоторые из них возникли на башкирских землях, отрезанных в пользу чиновников и военных⁸⁶.

Как и в предыдущие годы, переселение в Оренбургский край шло главным образом из центральных черноземных губерний, но оно было более организованным, чем в 20 — начале 30-х годов; почти всем переселенцам, имевшим пропускной вид, выдавалась определенная денежная ссуда⁸⁷. Однако местные власти не полностью выполняли условия, на

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 257 об.

⁷⁶ Там же, ф. 571, оп. 9, дд. 18, 32, 2592; В. М. Кабузан. Указ. соч., стр. 55.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 49; В. М. Кабузан. Указ. соч., стр. 56.

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 991, л. 71.

⁷⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10643, л. 43.

⁸⁰ Там же, лл. 1, 2.

⁸¹ Там же, д. 11178, лл. 1—47.

⁸² Там же, д. 10296, лл. 1—94.

⁸³ Там же, ф. 18, оп. 2, дд. 4, 5, 9, 11, 14, 15, 16, 20, 22.

⁸⁴ Там же, д. 4, лл. 1—604; д. 5, л. 174; д. 9, л. 95.

⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, дд. 1223, 1224, 1225, 1226, 1228.

⁸⁶ Там же, ф. 383, оп. 1, д. 147.

⁸⁷ ГАОО, ф. 18, оп. 2, д. 56, лл. 17, 18.

основе которых должно было идти перемещение крестьян в Оренбургскую губернию. Так, калужские переселенцы жаловались управляющему Оренбургской палаты государственных имуществ, что им нужно было получить ссуду на каждый двор по 55 рублей, а они получили только по 20 рублей⁸⁸. Подобные жалобы поступали и от переселенцев других губерний.

В результате третьей волны крестьянских переселений население Оренбургского края значительно увеличилось. Если в начале XIX в. (1800 г.) в Оренбургской губернии насчитывалось 708 420 душ обоого пола, русских и нерусских⁸⁹, то в 1850 г. — 2 130 037 душ обоого пола⁹⁰, из них русских — 1 098 737⁹¹. Все исследователи признают, что рост населения в Оренбургской губернии происходил в основном за счет переселений⁹². Вместе с прежним русским крестьянским населением в середине XIX в. в этом крае уже насчитывалось крестьян более 1 млн. (в том числе заводских), а горожан — всего 58 273 человека⁹³. К середине XIX в. процесс заселения Южного Урала русскими крестьянами в основном завершился. Здесь образовался значительный и устойчивый слой русского сельского населения. Правда, неосвоенных земель оставалось еще много и крестьянская колонизация продолжалась частично и во второй половине прошлого столетия.

Русская крестьянская колонизация первой половины XIX в. благотворно отразилась на развитии производительных сил Южного Урала. Здесь было освоено значительное количество пахотных земель, развились земледелие, скотоводство, промыслы и промышленность. Из 4 087 257 дес. пахотной земли⁹⁴ переселенцами было освоено 2 140 326 десятин. Под сенокосами было занято 4 018 219 дес., под леса и выгоны государственным крестьянам отводилось 3 063 038 дес., помещичьим крестьянам — 1 709 477 дес., во владении башкир осталось 6 192 181 десятина⁹⁵. Неожитый в земледельческом отношении край превратился в крупный очаг земледелия. Главную часть сельского населения Оренбургской губернии составляли государственные крестьяне. По данным 1850 г., их было 814 437 человек. По своему экономическому положению они представляли собой весьма неоднородную массу. Помещичьи земли, которые обрабатывались крепостными, было не так много. В 1850 г. крепостных числилось 223 139 человек⁹⁶. Среди 45 губерний европейской России, в которых имелись крепостные крестьяне, Оренбургская губерния занимала 36-е место⁹⁷.

Относительно свободное положение государственных крестьян способствовало развитию в их среде капиталистических отношений. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработков, тяжести податей, там всего больше развился капитализм в земледелии»⁹⁸. В первой половине XIX в. капиталистические отношения среди

⁸⁸ Там же, д. 57, л. 196.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 3, д. 2392, лл. 2—3об.

⁹⁰ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 164.

⁹¹ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа. 1859, стр. 118, 202; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а.

⁹² Я. Ханыков. Географическое обозрение Оренбургского края. «Материалы для статистики Российской империи». Отд. II. СПб. 1859, стр. 113; В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения европейской России в 1724—1916 гг. «История СССР», 1957, № 1, стр. 208.

⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, лл. 71—72об.

⁹⁴ Там же, ф. 1409, оп. 1, д. 12634, л. 4.

⁹⁵ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 73.

⁹⁶ Там же, лл. 71—72об.

⁹⁷ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 267.

⁹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 628.

государственных крестьян Оренбургского края лишь начали зарождаться, но уже участились случаи, с одной стороны, покупки земли зажиточными крестьянами, взятия земли в оброчное содержание, а с другой — аренды государственных и частнокрестьянских земель малоземельными крестьянами и найма их на работу к зажиточным. Некоторые зажиточные крестьяне имели запашку в 100 и более десятин, привлекая для их обработки наемных рабочих⁹⁹. Несмотря на обнищание некоторой части переселенцев, основная масса государственных крестьян Оренбургской губернии жила безбедно. Наличие плодородных земель, большие земельные наделы, полученные на новых местах (15 дес. на ревизскую душу), служили той базой, которая обеспечивала им сносное существование. В Оренбургской губернии ежегодно оставалось до 8 703 479 четвертей хлеба¹⁰⁰, который поставлялся не только на внутренний, но и на внешний рынок. Хлеб вывозился в Казахстан, на Северный и Средний Урал, а также в некоторые районы Сибири. Наличие обширных пастбищ и лугов способствовало быстрому развитию животноводства. Согласно «Ведомости о числе разного скота за 1850 год» в Оренбургской губернии было 5 634 462 голов крупного и мелкого скота¹⁰¹. На каждую квадратную версту в Оренбургской губернии приходилось 16 штук домашних животных¹⁰².

На Южном Урале работали железодельные, медеплавильные, мыловаренные, свечные, салотопенные, клейные, маслобойные, воскобойные, кожевенные, винокуренные, селитряные и другие заводы (всего 307)¹⁰³, на которых также применялся главным образом труд крестьян. Все ремесла и промыслы были крестьянскими. Быстро развивавшаяся торговля была основана на крестьянском сырье и крестьянских изделиях.

Социально-экономические последствия крестьянской колонизации Южного Урала в период феодализма особенно сказались во второй половине XIX века. Государственные крестьяне, переселившиеся на Южный Урал до реформы 1861 г., стали старожилами и захватили в свои руки лучшие земельные и водные участки. Большинство же вновь прибывших (уже после реформы 1861 г.) оказалось в иных условиях. Так как лучшие земли были уже заняты, им приходилось довольствоваться посредственными участками; часть новых переселенцев не имела возможности даже обработать полученные земли и была вынуждена арендовать землю у бывших государственных крестьян (старожилов). Многие из переселенцев-арендаторов превратились в батраков, обработавших за определенную плату земли бывших государственных крестьян¹⁰⁴. Все это вместе взятое (наличие крупных плодородных участков у старожилов, разорение вновь прибывших поселенцев) способствовало быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве Оренбургской губернии. Особенно интенсивно этот процесс происходил в 90-е годы XIX и в начале XX века.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Оренбургской губернии выразилось в появлении крупных земельных собственников из крестьян («чумазых лендлордов»), усиленном применении машин в крупных хозяйствах, росте торгового земледелия, использовании вольнонаемного труда, разложении крестьянства¹⁰⁵. Об этом свидетельствуют даты приобретения крестьянами больших участков земли. В марте 1898 г. крестья-

⁹⁹ В. М. Черемшанский. Указ соч., стр. 276—277.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 12634, л. 6.

¹⁰¹ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 152.

¹⁰² В. М. Черемшанский. Указ соч., стр. 346.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 151.

¹⁰⁴ К. Е. Сувчинский. Переселенцы в Оренбургской губернии. Оренбург. 1889. Ведомости, №№ 1, 2.

¹⁰⁵ ГАОО, ф. 13, оп. 12, д. 8; оп. 16, д. 12; оп. 17, д. 17.

янин А. И. Наумов с помощью Крестьянского банка купил у Мельева за 5 000 руб. участок в 540 дес. в Челябинском уезде, Качердыкской волости¹⁰⁶. В сентябре 1898 г. крестьянин А. Ф. Копан приобрел у Скрипниковых в вечное владение участок земли в 498 дес. за 5 100 руб., находившийся рядом с поселком Каракульским, Ключевской станицы, Троицкого уезда¹⁰⁷. Крестьянин Я. Т. Заворотный купил у коллежского асессора И. В. Авдеева в Троицком уезде, близ села Мордвиновки, 371,5 дес. за 5 000 руб. с помощью Донского банка¹⁰⁸. В сентябре 1901 г. крестьянин В. В. Резник приобрел у вдовы зауряд-хорунжего А. А. Беспаловой 172 дес. земли в даче Звериноголовской станицы, Челябинского уезда, по реке Алабуге¹⁰⁹. Покупка земли производилась через Оренбургское отделение Крестьянского поземельного банка, предоставившего ссуду В. В. Резнику в сумме 4 000 рублей.

В Оренбургской губернии усиленно применялись машины, о чем говорит организация сельскохозяйственных товариществ из зажиточных крестьян для покупки машин, а также случаи приобретения машин кулаками и применения их в своем хозяйстве¹¹⁰. Торговое земледелие в Оренбургской губернии стало быстро развиваться после открытия Оренбургско-Самарской железной дороги (1877 г.).

Оренбург стал одним из главных районов торгового зернового хозяйства. За пять лет, с 1877 по 1881 г., было вывезено из Оренбургской губернии свыше 40 млн. пудов хлеба, из которых 32,4 млн. пудов, или 75%, приходилось на пшеницу¹¹¹. Значительная часть зерна направлялась на заводы Приуралья и в башкирские волости, но главная масса шла на экспорт (через Казань, Петербург, Ригу, Москву).

После реформы 1861 г. разложение крестьянства Оренбургской губернии усилилось. Многие крестьяне, имевшие земельные наделы, не могли их обработать и шли в кабалу к старожилам-кулакам. Переселенец П. Кемуков 8 июня 1898 г. писал чиновнику по переселенческим делам: «Вы говорите обождать, а я ждать не хочу, жду год, а другие уже два. Посмотрите и увидите, что мы проданы чиновникам... старожилы отдали чиновнику 700 рублей за участок для того, чтобы мы работали на нем и получали нищенскую оплату... много горя хлебнули мы... А то сегодня — жди, завтра — подожди, а мне и сегодня даже есть нечего»¹¹².

Главным же проявлением развития капитализма в сельском хозяйстве Южного Урала явилось широкое применение наемного труда. По переписи 1897 г., количество земледельческих рабочих в Оренбургской области определялось в 32 731 человека. Из них в земледелии было занято 27 748 человек, животноводстве — 1 743, лесоводстве — 3 113, на прочих сельскохозяйственных промыслах — 87, в рыболовстве и охоте — 40¹¹³.

В результате крестьянской колонизации в Оренбургской губернии еще в дореформенный период образовалось значительное количество свободных «крепких» хозяйств, наличие которых способствовало развитию капитализма в сельском хозяйстве по «американскому пути». После реформы 1861 г. из числа бывших государственных крестьян возникает класс сельских капиталистов. К концу XIX в. Оренбургская губерния превращается в один из крупнейших очагов развития аграрного капитализма в России.

¹⁰⁶ Там же, ф. 13, оп. 12, д. 8, л. 10.

¹⁰⁷ Там же, л. 9.

¹⁰⁸ Там же, л. 23.

¹⁰⁹ Там же, оп. 16, д. 12, лл. 1—32.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ «Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г.». Оренбург. 1884, стр. 105.

¹¹² ГАЧО, ф. 66, оп. 1, д. 6, л. 249.

¹¹³ «Первая всеобщая перепись 1897 г.». Вып. XXVIII. Оренбургская губерния. Б/м. 1904.

Глубокие социально-экономические изменения русская крестьянская колонизация принесла и коренному населению Южного Урала, главным образом башкирам и калмыкам. У башкир Осинской и Казанской дорог уже в XVIII в. земледелие стало основным занятием. Заметных успехов в развитии земледелия добились также башкиры Ногайской и Сибирской дорог, особенно те, которые жили по рекам Катаву и Юрюзани. Они выращивали столько хлеба, что могли поставлять его в соседние дороги¹¹⁴. Земледелие способствовало массовому оседанию кочевников-башкир, росту их материальной обеспеченности, что сказалось на естественном приросте населения. Так, по 4-й ревизии (1782 г.) башкир насчитывалось в крае 71 448, по 5-й (1795 г.) — 106 000, по 8-й (1833 г.) — 180 000, а по 9-й (1850 г.) уже 220 088 человек¹¹⁵. Это весьма показательно, если учесть, что до вхождения в состав Русского государства башкиры, «будучи еще малолюдными, в крайнем убожестве жили»¹¹⁶.

Земледелие успешно развивалось и у калмыков. В 1738 г. была создана крепость Ставропольская, которая стала отдельной военной калмыцкой колонией, состоявшей на службе у русского правительства¹¹⁷. Но не военная служба, а земледелие и ремесла, развивавшиеся под влиянием русских крестьян, давали калмыкам средства к жизни. На особые участки, созданные в новых русских слободах, из калмыцких улусов посылались по несколько человек с лошадьми для того, чтобы там под руководством русских крестьян пахать землю, сеять и убирать хлеб¹¹⁸. Весь урожай, полученный на таких участках, делился на две части: одна откладывалась на семена для будущего посева, а другая раздавалась в те улусы, из которых присылались работники на эту пашню. От работы на общественном участке освобождались лишь те калмыки, которые заводили пашню в улусах. В XIX в. многие из ставропольских калмыков стали земледельцами. Все это наглядно подтверждает слова Ф. Энгельса о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹¹⁹.

Русская крестьянская колонизация оказала большое влияние и на политическое развитие народов Южного Урала. Они приобщились к борьбе, которую вело русское крестьянство против царизма и крепостничества. Ярким примером в этом отношении могут служить совместные действия русских крестьян, башкир и других народов Южного Урала против царизма в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева¹²⁰, а также массовые выступления русского и башкирского населения против военно-феодального гнета в 30—50-е годы XIX века¹²¹. Таким образом, еще в период феодализма, на основе совместной борьбы против царизма и крепостничества, закладывались основы дружбы между русским крестьянством и трудовой частью коренных жителей Южного Урала.

¹¹⁴ «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. 1, ч. 1. Уфа. 1956, стр. 204—218.

¹¹⁵ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 113—114.

¹¹⁶ П. И. Рычков. История Оренбургская, стр. 3.

¹¹⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, стр. 116.

¹¹⁸ Там же; см. также ПСЗ. Т. 12, № 9110.

¹¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 241.

¹²⁰ «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. 1, ч. 1. стр. 218—254.

¹²¹ Там же. Т. 1, ч. II. Уфа. 1959, стр. 93—112.